

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Н.Е. ТИХОНОВА

доктор социологических наук, профессор, зам. директора Института социологии РАН,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: ntihonova@hse.ru

В статье исследуются особенности нормативно-ценностных систем российского общества, которые касаются норм в области взаимоотношений человека, общества и государства, характер их изменения в последние 15 лет, а также оценка основных типов (моделей) мировоззрения, существующих сегодня в России. Процессы социокультурной модернизации протекают в России не так, как они протекали в странах классической европейской модели развития. Фактически сегодня в нашем обществе есть по крайней мере две разновидности сознания модерна, обе они не ориентированы на то, что Россия должна идти западным путем, а многие ключевые и характерные для них нормы, ценности и установки принципиально отличаются от ассоциируемых обычно с западной культурой. И в этом плане можно говорить о формировании в России «альтернативного модерна», причем существующего в различных формах.

Ключевые слова: теория модернизации, нормативно-ценностные системы российского общества, государство, свобода, частная собственность.

The features of the normative and value systems of Russian society are investigated in the article, the norms of interrelations between individual, society and state are emphasized, allowing for their change and development during last 15 years. The evaluation of the main world-outlook models that are wide-spread in Russia nowadays is given. In Russia, social and cultural modernization processes differ from those that had been taken place in countries characterized by classical European model of development. Virtually there are at least two types of thinking of modern path of development in Russia, but neither presupposes Russia to follow the West countries. Besides, the key norm and values that are at the core of these types of thinking, are mostly differ from the European ones. Thus, the author concludes, it is reasonable to turn attention to the formation of different forms of «alternative modern» in our country.

Keywords: theory of modernization, normative and value systems of Russian society, state, liberty, private ownership.

Коды классификатора JEL: Z13, Z10.

Благодаря исследованиям последних лет (работы Н. Лапина и Л. Беляевой, Н. Лебедевой и А. Татарко, В. Магуна и М. Руднева, Н. Тихоновой и М. Горшкова, В. Ядова и Е. Даниловой и других) в российской науке уже достаточно прочно утвердилась точка зрения, что в нашей стране происходит разложение модели культуры, характерной для обществ традиционного, доиндустриального типа, хотя само превращение России из крестьянской страны в развитую индустриальную державу совершилось уже более полувека назад. Однако вопрос о том, чем именно заменяется эта модель, включая характерные для нее *нормативно-ценностные системы, являющиеся ядром любой культуры*, нуждается в отдельном исследовании. Актуальность его обусловлена прежде всего необходимостью понимания потенциального места России в условиях нового ми-

¹ Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту «Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России» № 11-03-00561а, осуществляемому при финансовой поддержке РГНФ.

рового порядка. Ведь то место, которое сможет занять наша страна в глобальной экономике, а следовательно и в мировой политике, напрямую связано с перспективами и итогами завершения в ней социокультурной модернизации².

Предметом данной статьи являются, однако, отнюдь не все аспекты социокультурной модернизации, а лишь особенности нормативно-ценностных систем российского общества, которые касаются норм в области взаимоотношений человека, общества и государства, характер их изменения в последние 15 лет, а также оценка основных типов (моделей) мировоззрения, существующих сегодня в России. При этом то, что эти нормы могут далеко не всегда соблюдаться на практике, не имеет для нашего анализа никакого значения, поскольку задачей является понять, как в российской культуре меняется представление о должном, в частности — об оптимальном для России типе социума и принципах его функционирования, как в них появляются новые черты и грани, а старые приобретают новый смысл. Ведь именно изменение старых смыслов и появление новых во взаимодействии культуры и изменяющейся реальности и составляет суть культурных изменений. Анализ же того, как согласуются эти представления о должном с реальностью, — совсем другая исследовательская задача.

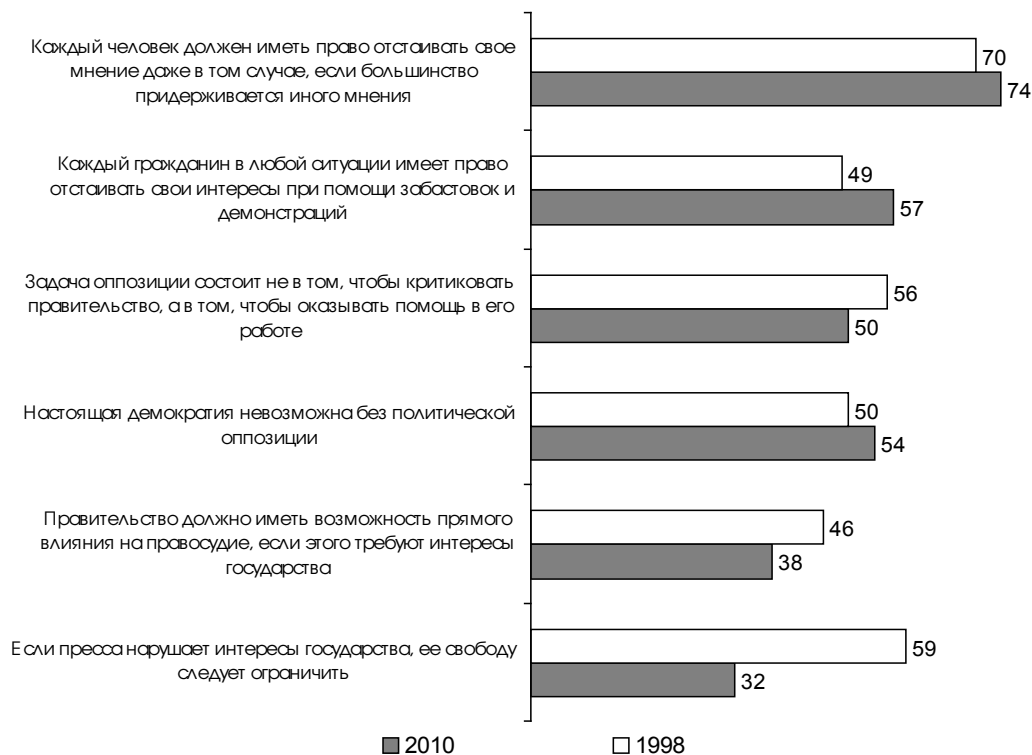
Начну с того, что еще раз³ зафиксирую — *господствующая в России нормативно-ценностная система выступает, на мой взгляд, разновидностью систем, характерных для этакратических обществ, вступивших уже в эпоху своего разложения* («неоэтакратических» [12] или «позднеэтакратических»). С точки зрения доминирующих в ней норм, отражающих представления о «должном», интересы общности, прежде всего — общества в целом, народа, страны — в ней превыше интересов и прав отдельных людей. Государство в рамках этой системы норм — инструмент реализации интересов макрообщности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или социальная группа. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство, как выразитель общих интересов, должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Не случайно в 2010 г. более половины взрослого населения страны (76% ответивших на данный вопрос при 24% не согласных с предложенным респондентам суждением) считали, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности⁴. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их гражданских прав. Во всяком случае, доля согласных с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие если этого требуют интересы государства, в России уже много лет больше, чем не согласных с этим (в 2010 г. их было 39% при 34% не согласных и 27% не сумевших определиться в этом вопросе с собственной позицией).

В то же время, динамика распространенности подобных взглядов свидетельствует о *быстром размывании основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов* (рис. 1). Особенно ярко это заметно в отношении свободы слова, по вопросу о необходимости ограничивать которую, если она нарушает интересы государства, россияне сейчас делятся на три практически равные части, хотя еще 10–12 лет назад отчетливо доминировала позиция признания за государством права на реализацию своих интересов и в этой области. Сейчас же в этом вопросе наибольшей (36%) является доля тех, кто не признает за государством права ограничивать свободу прессы, даже если она нарушает его интересы.

² Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке, как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т.д., а также рационального типа мышления и внутреннего локуса-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

³ См. подробное обоснование этой точки зрения: [7, 8, 9, 10, 11, 2].

⁴ Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), репрезентировавшем население страны старше 18 лет по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. В статье используются также данные исследований: «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995), «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998, 2007), «Собственность в жизни и восприятии россиян» (2005). Выборка и результаты этих исследований описаны, в частности, в работах: [2, 4, 6, 5 и др].

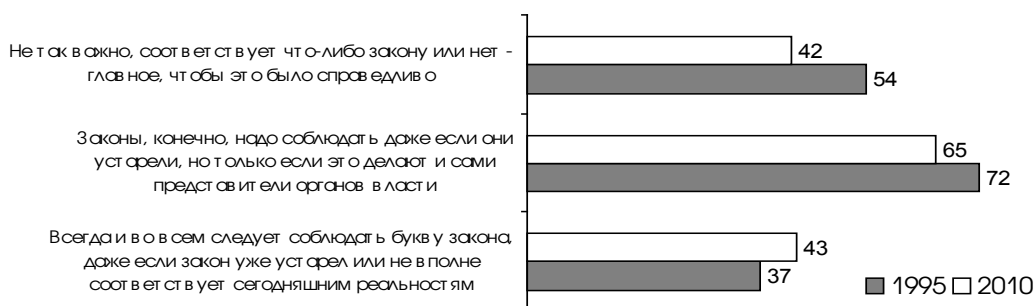
Согласны с тем, что:

Рис. 1. Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам, 1998/2010 гг., % от россиян в возрасте до 65 лет.

Кроме того, поскольку эта система норм вступила уже в фазу своего разложения, то в ней не допускается жестко тоталитарная или авторитарная модель действий государства. Скорее это «смягченный» вариант такой модели, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение и отстаивать его вопреки позиции большинства, но даже отстаивать свои интересы с помощью забастовок и демонстраций. Естественна в этом контексте и делегитимизация права государства ограничивать свободу прессы. При этом одновременно активно растет запрос на Закон («писаное право») как новый социальный регулятор, приходящий в обществах модерна на смену Традиции, выступавшей ранее в этом качестве (в позднеэтакратических обществах одной из таких традиций выступает и соблюдение так называемого «телефонного права», отражавшего разницу социальных статусов во властной иерархии и, как правило, вступавшего в противоречие с правом «писанным»). О росте этого запроса свидетельствует не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае (рис. 2). Не случайно именно равенство всех перед законом (лозунг, знаменующий собой важнейший этап социальной модернизации) выступает в сознании россиян ключевой проблемой реализации поставленной Президентом России задачи модернизации страны, обгоняя в их сознании в этой роли и технологическую перестройку экономики, и даже реализацию принципа социальной справедливости. Равенство всех перед Законом уже много лет россияне называют и важнейшим признаком демократии.

Учитывая, что речь идет о сравнительно коротком временном периоде, такой рост свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного сознания и постепенном сокращении правового нигилизма среди россиян. И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему очень многочисленная, все же впервые за время наблюдений она стала составлять в 2010 г. менее 50%, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Уменьшилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители

органов власти, зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям.

Рис. 2. *Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону, 1995/2010, % от сумевших определить свою позицию в данных вопросах⁵.*

Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор наконец заработал, наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками «консенсусной» модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех, и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т.е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости.

Ярким свидетельством в пользу такой интерпретации полученных данных выступает отношение к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убежден ты в их правоте или нет. Хотя доля убежденных в том, что руководителям нужно подчиняться, даже если ты не согласен с их требованиями, за последние 15 лет выросла, свыше двух третей работающих по-прежнему к этому не готовы. Это означает, что саботаж распоряжений «начальства», еще со времен крепостного права являющийся основным способом борьбы за свои интересы в России, имеет определенную и четко артикулированную подоплеку — убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение является общей социокультурной нормой, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители разных уровней. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

При этом неважно, где прошла первичная социализация людей, где они живут в настоящее время, а также их пол, образование, профессиональная принадлежность, общая оценка своей ситуации на работе, стиля руководства и т.д. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны.

Однако постепенно в России все же формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, с чем он согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм. Об этом свидетельствует не только уже упоминавшийся запрос россиян на активизацию закона как социального регулятора, но и динамика восприятия ими свободы как полностью бесконтрольного и ничем не ограниченного поведения (не случайно анархизм как учение так пышно расцвел более ста лет назад именно на российской почве). Постепенно смысл понятия «свобода» в российской культуре изменяется, хотя процесс этот идет очень медленно, и 60% россиян до сих пор убеждены, что свобода — это возможность быть самому себе хозяином («воля», противостоящая «неволе», «подневольности» как антитезе свободы), при том, что 40% полагают, что это набор определенных политических прав и свобод. Тем не менее, процесс вытеснения понимания свободы

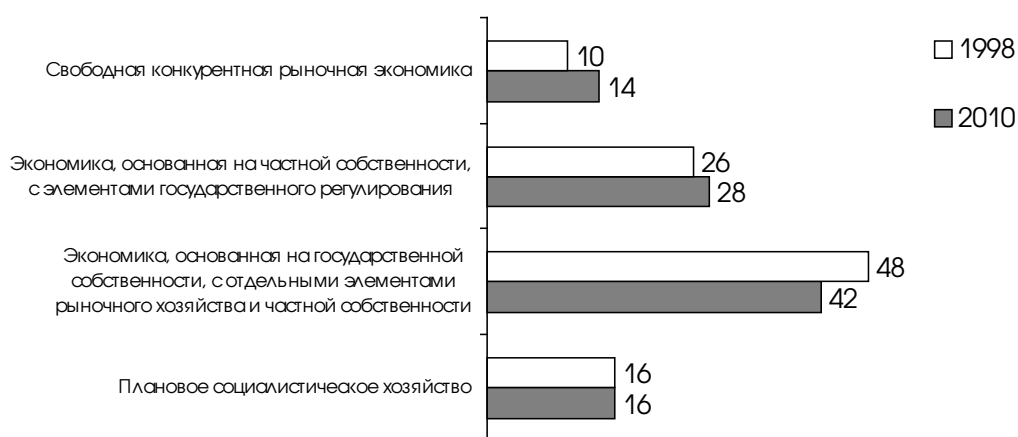
⁵ Вопрос не носил альтернативного характера, и по каждой из переменных ответ выбирался отдельно, поэтому общая сумма ответом более 100%.

как «воли», анархического восприятия ее как «свободы от...» (общества, начальства, многочисленных долженствований, вытекающих из различных социальных ролей) характерным для общества модерна ее пониманием как «свободы для...», т.е. возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод, все-таки идет. Так, если 15, и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («Свобода — это возможность быть самому себе хозяином» и «Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение выборов первого и второго составляло 65:35, то сейчас — 60:40.

Однако, поскольку свобода для россиян — это все еще прежде всего «свобода от», то и *все инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны*. В итоге пять ключевых признаков демократии в их глазах — это равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). При этом в пользу многопартийности, наличия оппозиции и т.п. инструментов демократии как ее ключевых признаков в 2010 г. высказывались менее 20% россиян. Вспомним в этой связи также и понимание ими задач оппозиции, которая, как особая политическая сила призвана в их глазах не конкурировать с властью, а контролировать правильность поведения власти в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главным для всех деле.

Это, конечно, принципиально иная система норм, регулирующих взаимоотношения личности, общества и государства, нежели существующая в западной культуре, где государство не просто заботится об абстрактном “блага народа”, а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. К сожалению, та модель развития рыночной экономики, которая органично вытекает из ключевой роли государства в жизни общества и представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоэффективными ее моделями. Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства.

В то же время, и в этом вопросе можно увидеть признаки постепенного разложения норм, служащих основанием для легитимации позднеэтакратической модели развития, число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (рис. 3).

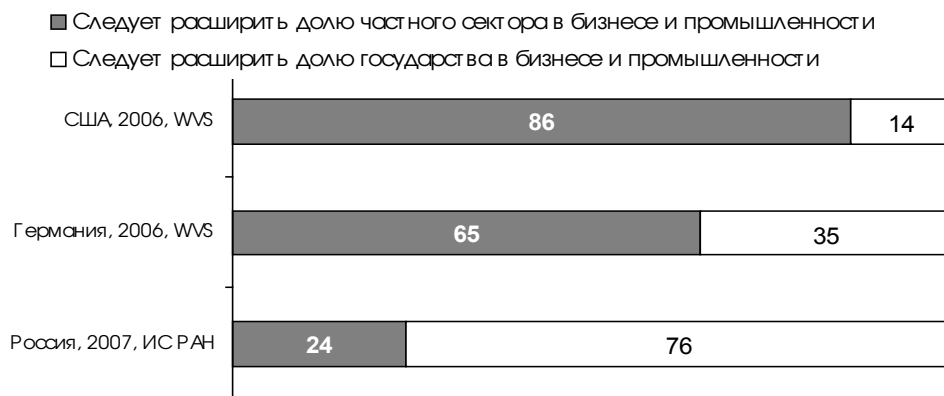

Рис. 3. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998/2010 гг., % от россиян в возрасте до 65 лет.

Тем не менее, *восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим из него запросом на усиление роли государства в экономике и расширение государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры* (рис. 4).

Совсем иной смысл в отличие от представителей западной культуры имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей россияне воспринимают весьма толерантно, и для большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако верно это лишь для законопослушного

и экономически эффективного малого и среднего бизнеса. Что же касается крупного бизнеса, то ему места в их нормативной модели практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно — и рачительным) «хозяином» всего национального богатства, частью которого оно временно при определенных условиях дает «попользоваться» их формальным собственникам. При этом главный персонаж российского экономического мышления не столько «собственник», сколько «хозяин» («хозяин–барин»). В этом контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать.

Рис. 4. Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира, % от ответивших⁶.

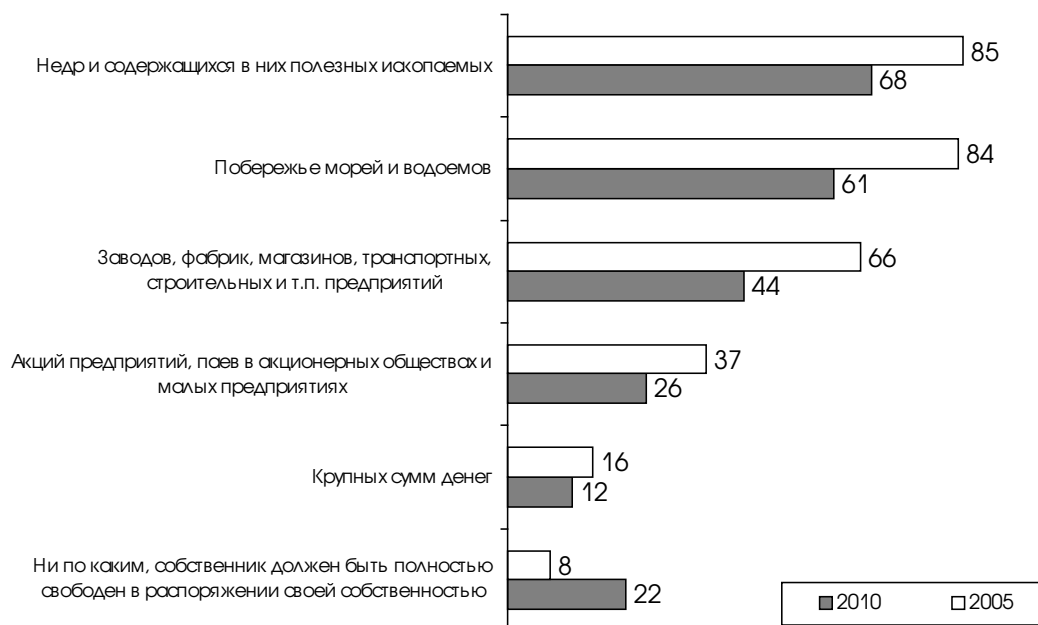
Легитимность гипертрофированной роли государства в экономической сфере вообще и по отношению к частной собственности связана отчасти и с таким специфическим аспектом понимания института частной собственности в российской культуре, как право собственника бесконтрольно и без всяких ограничений распоряжаться соответствующим объектом⁷. Это вытекает из уже упоминавшейся специфики российского понимания свободы как «свободы от». Учитывая такое понимание свободы, в том числе и экономической свободы, можно выделить три группы видов собственности, по отношению к хозяевам которых права государства существенно различаются. Причем в данном вопросе у россиян существует практически полное единодушие, вытекающее из роли соответствующего объекта в жизни сообщества и возможных последствий бесконтрольного распоряжения им. Первая группа включает в себя собственность, используемую в частной жизни граждан — жилье, крупные суммы денег, земельные участки и т.п. В распоряжении этими видами собственности их хозяева, кто бы они ни были, по мнению подавляющего большинства россиян, должны быть полностью свободны. Вторая группа включает в себя земли для производства сельхозпродукции на продажу, акции предприятий и сами предприятия. По отношению к этим объектам допускается собственность на них и частных лиц, и коллективов, и государства, но контроль за их использованием по отдельным, наиболее важным для жизни сообщества параметрам должно осуществлять государство. Что же касается всех видов природных богатств, а также транспортных коммуникаций и энергетики, то именно государство выступает в сознании россиян подлинным владельцем (хозяином) соответствующих объектов независимо от того, кто в тот или иной момент является их формальным собственником.

В то же время следует отметить, что и в этой области нормативных представлений россиян наблюдается очень интенсивная динамика (рис. 4), отражающая принятие ими новых норм по отношению к экономической основе развития российского социума.

⁶ Данные по Великобритании, Германии и США здесь и далее приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) (волна 2006 г.).

⁷ Добавлю в этой связи, что собственность для большинства россиян — это не любой объект соответствующего права, а нечто материальное, прежде всего — различного рода недвижимость. В этом отношении весьма характерно, что даже крупная сумма денег в меньшей степени ассоциируется для них с частной собственностью, чем телевизоры, холодильники и мебель.

Согласие с тем, что государство имеет право ограничивать права собственников:

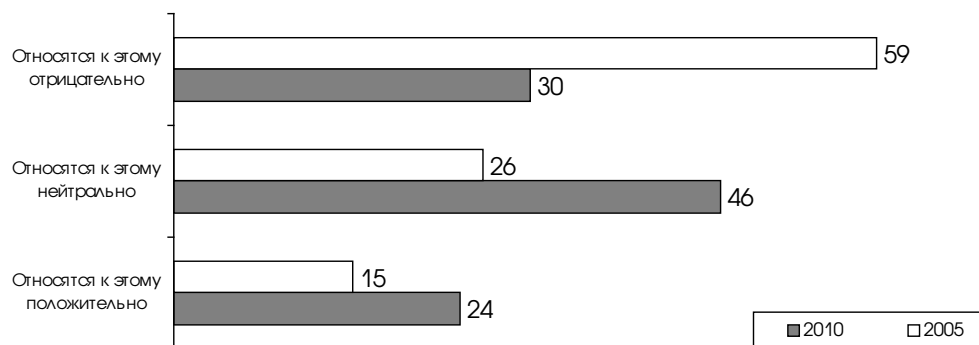
Рис. 5. Динамика представлений россиян о том, применительно к каким видам собственности государство может ограничивать права их собственников, 2005/2010 гг., %.

При этом россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус. И тот, чье право на соответствующее имущество основано лишь на традиции и морально—этических основаниях, у большинства населения России вызовет большую поддержку, чем тот, кто является его собственником «по документам», но без моральной легитимации этих прав.

Одним из проблемных, с точки зрения успешного экономического развития в условиях глобализирующейся экономики, аспектов понимания собственности в российской культуре и норм, регулирующих отношение к ней, выступает отношение россиян к праву «чужих» (иностранных компаний или граждан) иметь собственность на территории России. Если речь идет об отдельных людях, то определенная часть (хотя и меньшинство) россиян не против наличия у них в собственности квартиры, используемого ими для собственных нужд земельного участка и даже акций предприятий. Однако превращения граждан других государств в хозяев земель сельхозназначения или промышленных предприятий россияне скорее не хотят, чем приветствуют это. В еще большей степени это относится к инофирмам, хотя в данном вопросе наблюдается очень интенсивная динамика, позволяющая даже говорить о переломе тенденций в данном вопросе (рис. 6). Видимо, отчаявшись в поисках «эффективных собственников» внутри России, россияне все лучше начинают относиться к проявляющим интерес к отечественным предприятиям зарубежным компаниям.

Наконец, россияне категорические противники передачи в собственность гражданам или фирмам из других стран природных богатств страны, в особенности — ее недр. В этой связи надо сказать, что россияне исключительно последовательно настаивают на том, что государство должно быть собственником не только природных ресурсов, но и природных комплексов и объектов природы. Единственное исключение, которое они делают из этого правила — земли сельскохозяйственного назначения. Закономерность в этом вопросе прослеживается следующая — если люди могут хотя бы теоретически сами что-то получить от наличия такого рода собственности в частных руках, то они больше приветствуют частную собственность на сельскохозяйственные земли. Если

же этот вопрос носит для них абстрактный характер, то они руководствуются идеологическими соображениями, и тогда основными противниками частной собственности на землю выступают представители старших возрастов и «социальные аутсайдеры». Та же тенденция фиксируется в отношении частной собственности на акции предприятий и на сами предприятия.

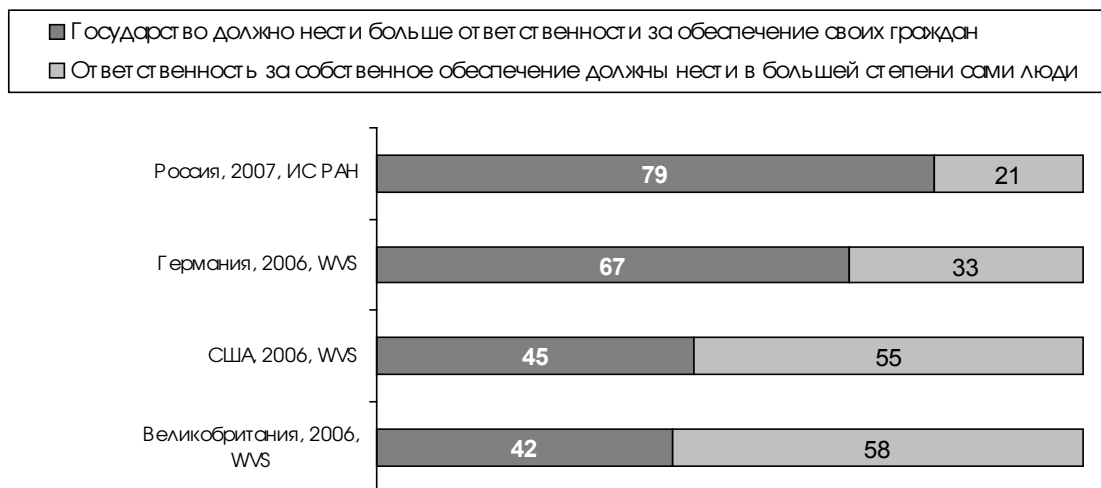
Рис. 6. Динамика отношения россиян к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, 2005/2010 гг., % от ответивших.

В связи с характеристикой экономической составляющей нормативных представлений россиян нельзя не упомянуть и проблему патернализма. Именно в этом вопросе ярче всего видно, что существующая в российской культуре модель «должного» социума, которая обеспечивает устойчивость существующей в России модели общества и отторжение всех институтов, которые пытаются в него «имплантировать», уже вступила в фазу своего разложения. Характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в ее современном варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она носит консенсусный характер, и предполагает, что каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет и другая сторона. Поскольку же, с точки зрения россиян, в последние два десятилетия принципы функционирования данной модели постоянно нарушаются, то и сами они не собираются их соблюдать. Более того, такое поведение государства ведет не только к усилению разрыва между «должным» и «сущим» в восприятии россиян и делегитимизации государства, но и к постепенному изменению тех норм, на которых основана легитимность самого существования этатрагических обществ для их членов.

Такая динамика связана с тем, что к числу главных функций государства в рамках существующей в российской культуре нормативной модели относится не только адекватное выражение текущих и стратегических интересов макрообщности, но и забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности, для чего, собственно, государству и нужно занимать «ключевые высоты» в экономике. Последовательная реализация этих функций — основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их «послушания». Таким образом, мы имеем здесь дело не просто с патерналистскими ожиданиями, а с распространенностью среди населения норм, отражающих так называемые патрон-клиентские отношения, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом. И если оно не выполняет своих обязательств, то граждане предъявляют ему претензию за недостаточное к ним внимание (рис. 7), а со временем и отказывают ему в легитимности его власти.

Как видим, позиции россиян и в этом вопросе, как и в вопросе о роли государства в экономике, принципиально отличаются от представителей западной культуры. В то же время, по другим компонентам их экономических воззрений (убеждениям, что конкуренция — это хорошо, т.к. стимулирует людей напряженно работать, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет роста благосостояния всего общества, а не за счет ухудшения положения других людей и т.д.) россияне мало чем отличаются от жителей «старой Европы».

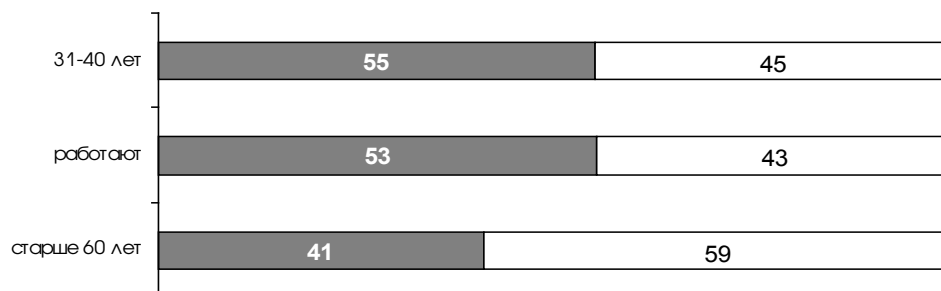
Рис. 7. Распространенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира, % от ответивших.

При этом динамика взглядов россиян в тех двух принципиальных моментах, которые отличают их «экономический менталитет» от взглядов на базовые принципы развития экономики жителей старой Европы и США (т.е. в распространенности патерналистских ожиданий и представлениях о ведущей роли государства в экономике), говорит об их разной природе. В отличие от практически не меняющегося отношения к роли государства распространенность патерналистских ожиданий — реакция на ситуацию, когда большинство населения мало что может сделать для улучшения своего положения из-за реальных структурных ограничений, и в 1990 году доминировала норма, что ответственность за собственное самообеспечение в большей степени должны нести сами люди⁸.

Решающую роль в этом переломе сыграли 1990-е гг. Именно тогда произошел не просто фактический уход государства от обязательств перед своими гражданами, но и смена политической риторики с провозглашением государством, по сути дела, лозунга «Спасение утопающих дело рук самих утопающих». И хотя с изменением политической риторики, а, отчасти, и реальной внутренней политики в 2000-х гг. произошла некоторая реанимация старых норм, скепсис в отношении «заботы» государства о своих гражданах продолжает доминировать в сознании россиян и усиливается тем больше, чем больше реальный жизненный опыт убеждает их, что в предлагаемой государством системе «правил игры» подавляющее большинство не способно самостоятельно справиться со своими проблемами, т.к. решающую роль в ней играют не столько личные усилия, сколько связи и везение (рис. 8). И то, что между представителями самой активной в трудовом отношении возрастной когорты 31–40 лет или работающими в целом, которые на собственном опыте видят, что определяет в современной России занятие благоприятных структурных позиций, и теми, чьи суждения в этом вопросе определяются чисто нормативно, из усвоенной когда-то и не скорректированной сегодняшним опытом системы взглядов (пожилым населением), в этом вопросе есть качественный разрыв, — яркое свидетельство того факта, что с распространенностью в России патерналистских ожиданий дело не столько «не в тех нормах», сколько «не в той реальности». В этой связи симптоматично убеждение, что они смогут сами обеспечить себя и свою семью, и поэтому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства, доминирует только в одной возрастной группе — до 25 лет включительно. В группе 26–30 лет число сторонников как этой точки зрения, так и убеждения, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить сложно, практически выравнивается, а после 30 лет перевес в пользу второго из этих альтернативных суждений становится очень значителен (14% и более).

⁸ Данные World Value Survey (WVS) 1990 г. (вторая волна: 1989–1993 гг.).

- Упорный труд не является причиной успеха – успех в большей степени результат везения и личных связей
- Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни

Рис. 8. Оценки россиянами факторов, влияющих на их возможности в с помощью собственных трудовых усилий улучшить свою жизнь % от ответивших.

Не удивительна в этих условиях и динамика приоритетов интересов макро- и микрообщностей в сознании россиян за последние 20 лет. Так, в 2000 г. 87% россиян говорили о том, что, принимая важные для себя решения, они руководствовались бы частными (своей семьей или личными) интересами, и лишь 13% декларировали, что исходили бы в этой ситуации из интересов государства или своего производственного коллектива. Затем под влиянием надежд на изменение ситуации со сменой власти в стране, картина несколько сдвинулась в сторону приоритетности интересов государства и коллектива, однако в 2010 г. подавляющее большинство россиян вновь поставили на первые строчки своих приоритетов интересы семьи (60%) или собственные интересы (20%), и лишь 20% даже на словах готовы были руководствоваться в серьезных для них вопросах интересами государства (4%) или коллектива (16%). При этом среди занятых в государственном и муниципальном управлении ни один (!) респондент не сказал, что он руководствовался бы в этом случае интересами государства и лишь 6% руководствовались бы интересами коллектива, а в так называемой бюджетной сфере эти показатели составили 1 и 14% соответственно. В то же время в промышленности и энергетике, например, они составляли 4 и 15% соответственно, в сельском и лесном хозяйстве — 3 и 18%, в финансовой сфере — 4 и 18% и т.д. Это ли не наглядное признание того, что существовавшая ранее нормативная модель, основанная на идее «служения» государству/державе, потерпела уже полное фиаско, и постепенное размывание ее легитимности в нормативно-ценностной системе населения России лишь отражает уже совершившийся факт полного исчезновения соответствующих норм из сознания ключевой для успешной реализации этой модели группы — государственных служащих.

Таким образом, главным следствием фактического «ухода» государства в 1990-х гг. не только из экономической, но и из социальной сферы, отражающим изменения, произошедшие в этот период в сознании работников самого государственного аппарата сверху донизу⁹, стало то, что характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в итоге делегитимизировалась в глазах населения. В самом деле — зачем делегировать государству столько прав, если оно при этом не выполняет своих базовых обязанностей? Да, учет в последнее десятилетие властью, хотя бы на уровне деклараций, ожиданий общества, в отличие от ситуации в эпоху Б. Ельцина, способствовал временному расширению делегирования ей права действовать от лица и в интересах общества. Однако это право, во-первых, уже не столь бесспорно и сакрально, как раньше. Во-вторых, многие конкретные нормы, на которых строится характерная для России нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства начали терять в последние 15 лет свою популярность или ослабевать. В-третьих, легитимизация в последние годы права государства защищать интересы общности даже в ущерб интересам и правам отдельного человека диктуется в ряде случаев уже утилитарными и прагматическими соображениями, теряет характер культурной нормы.

⁹ То, что этот процесс имел повсеместный характер, продемонстрировал, в частности, опрос руководителей всех уровней, занимавшихся в конце 1990-х гг. разработкой и реализацией государственной социальной политики, проведенный Т.Ю.Сидориной [1].

Все вышесказанное позволяет сделать три основных вывода. Во-первых, *процессы социокультурной модернизации в области норм и смыслов, определяющих отношение россиян к себе, обществу и государству, еще не завершены*. Свидетельства тому — их специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на «своих» и «чужих» с соответствующим ограничением допуска «чужих» к собственности на значимые условия существования сообщества, ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав частного бизнеса, к примеру значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности и т.д. Впрочем, все эти особенности характеризуют в период социокультурной трансформации любую страну, совершающую модернизационный переход.

Второй вывод, связанный со спецификой уже российской культуры в части ее нормативно-ценностной характеристики, состоит в том, что *легитимность всевластия государства и его особой роли в экономике свидетельствует: этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания*. Право государства на ограничение прав частных собственников вплоть до прямого изъятия их собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением и т.д. — лишь некоторые проявления этого.

В-третьих, несмотря на сохранение доминирующего положения этих норм, *в отношении базовых прав и свобод, затрагивающих интересы рядовых граждан, по итогам последних 15 лет можно зафиксировать интенсивную динамику, связанную с размыванием легитимности всевластия государства* в этой области. На протекании этого процесса сказываются несколько факторов. Во-первых, как уже отмечалось выше, на этот процесс влияют действия власти, которая, в отличие от населения, долго не понимала, а часть ее представителей и сейчас не понимает, в какой «системе координат» и как именно ей надо действовать, чтобы сохранить свою легитимность. Во-вторых, в поколениях, социализирующихся в новых условиях, все же несколько больше людей, отрицающих нормы традиционной для российской культуры модели взаимоотношений общества, личности и государства, включая априорную сращенность власти и собственности, чем среди тех, кому «за 50». В-третьих, начинает сказываться хотя и затормозившийся в последние два десятилетия, но успевший набрать некую критическую массу еще в советское время процесс концентрации населения в крупных городах и одновременного увеличения в составе их жителей доли лиц с высшим образованием. Все это ведет к постепенному распространению ценностей, слабо совместимых с традиционной для России системой норм взаимоотношений личности, общества и государства, и формированию на этой основе новой нормативной системы.

Ключевым вопросом в этих условиях становится вопрос о том, куда и как пойдет дальнейшая эволюция нормативно-ценностных систем в России. Общий вектор эволюции нормативной составляющей этих систем отчасти был намечен выше. Однако нормы неразрывно связаны с ценностями¹⁰ людей, их стремлениями и установками, также претерпевающими в последние десятилетия серьезные изменения. С точки зрения ценностей, как и с точки зрения норм, национальная культура, обеспечивавшая длительное и устойчивое существование социума этакратического и позднеэтакратического типа, неизбежно должна была относиться к типу коллективистских. Однако при этом сами россияне, как свидетельствуют их психологические особенности [3], — огромная роль для них свободы («воли»), понимание этой свободы в духе анархизма и многие другие факты — в массе своей ярко выраженные индивидуалисты.

Именно поэтому в России исторически нужен был *особенно жесткий «пресс» норм и ценностей, выработывавших способность к подчинению своих личных интересов коллективным и неизбежно формировавших в этой связи в первую очередь не ценности успеха и преуспевания, а ценности хороших отношений, душевной гармонии, и, особенно, чистой совести как свидетельства соблюдения данным индивидом в его собственных глазах интериоризированных норм культуры*. Этот «пресс» веками сдерживал центробежный индивидуалистический порыв россиян, позволяя не только сохраниться определенному типу социума, но и обеспечить в нем приемлемые условия для совместного существования, не доводя его до «войны всех против всех» (опасность которой особенно велика в условиях отсутствия эффективно действующей правовой системы). Сейчас этот «пресс» в силу разрушения в 1990-х гг. многих существовавших в советское время механизмов ретрансляции норм культуры, а также возникновения объективного противоречия между этими нормами и критериями селекции, обеспечивающими восходящую мобильность в новых рыночных условиях, в

¹⁰ Ценности, в отличие от норм, отражающих долженствование или «естественность», «нормальность» определенного положения, поведения и т.д., всегда эмоционально (хочу/не хочу, важно/не важно) окрашены.

значительной степени уже исчез. В этих условиях естественно, что *максимальный рост в последние годы продемонстрировали именно те ценности, которые связаны с индивидуальным успехом и самоутверждением в ущерб ценностям, присущим культурам коллективистского типа*¹¹. Более того, при этом пострадала и распространенность ценностей, обычно относимых не к ценностям модерна, а к ценностям постмодерна, например, возможность самореализации. Как видно из табл. 1, ценности, связанные с душевной гармонией, хорошими отношениями с близкими людьми и с самореализацией, заметно потеряли за последние 15 лет в популярности. И хотя интересная работа до сих пор входит в терминальные ценности большинства россиян, однако в условиях, когда, как было отмечено выше, упорный труд не рассматривается как причина успеха большинством работающих, а успех становится все более значим, такая самореализация вряд ли долго сохранится как значимая ценность для большинства населения. И вряд ли можно ожидать в таких условиях серьезного положительного эффекта от роста в российском обществе достижительных ценностей.

Таблица 1

**Динамика выбора россиянами в альтернативных парах ценностных суждений,
1995-2010, %**

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония -----	93	94	80
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное — хорошие семейные и дружеские отношения -----	91	92	82
В жизни главное — общественное признание и успех	9	8	18
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни -----	63	58	54
Главное в работе — это сколько за нее платят	37	42	46

Ряд полученных различными (в том числе и нашей) исследовательскими группами результатов позволяет также высказать предположение, что *в России для перехода от традиционалистских систем ценностей к ценностям эпохи модерна решающую роль играют, видимо, утилитарные, прагматические мотивы роста индивидуального благополучия, повышения собственного статуса и самоутверждения даже в ущерб окружающим. При этом население России в значительной части уже ушло от традиционалистской системы ценностей, но еще не пришло к характерным для обществ модерна ценностным системам, а возможно — и вообще к ним не придет.*

Насколько уникальна такая ситуация? Как показывают данные сравнительных общемировых исследований Р. Инглхардта, изучение ценностей по методике Ш. Шварца и др. ценностные системы россиян отнюдь не являются чем-то из ряда вон выходящим, хотя достаточно своеобразны. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который освещен в литературе значительно лучше, чем вопрос о нормативной составляющей мировоззрения россиян, приведу лишь данные о месте России на условной ментальной карте мира (рис. 9), построенной с использованием методики измерения культурных характеристик Г. Хофстеда. Эта методика, уже около 50 лет успешно применяемая в десятках стран мира и впервые использованная в общероссийском масштабе в ходе уже не раз упоминавшегося выше исследования 2010 г., основана на расчетах таких показателей как:

- толерантность к неравномерному, иерархизированному распределению в обществе власти («Дистанция власти»);
- доминирование традиционно рассматриваемых как «мужские» (достижение, успех и т.п.), или «женские» ценностей (теплые личные отношения, взаимопомощь и т.п.) («Маскулинность»);
- высокая значимость личных интересов («Индивидуализм»);
- стремление к ясности и четкости правил, в соответствии с которыми организован внешний мир, сведению к минимуму «эффекта неопределенности» («Избегание неопределенности»).

¹¹ Об этом же говорят и другие исследования ценностей — Н. Лапина, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием иных методик и на других массивах данных.

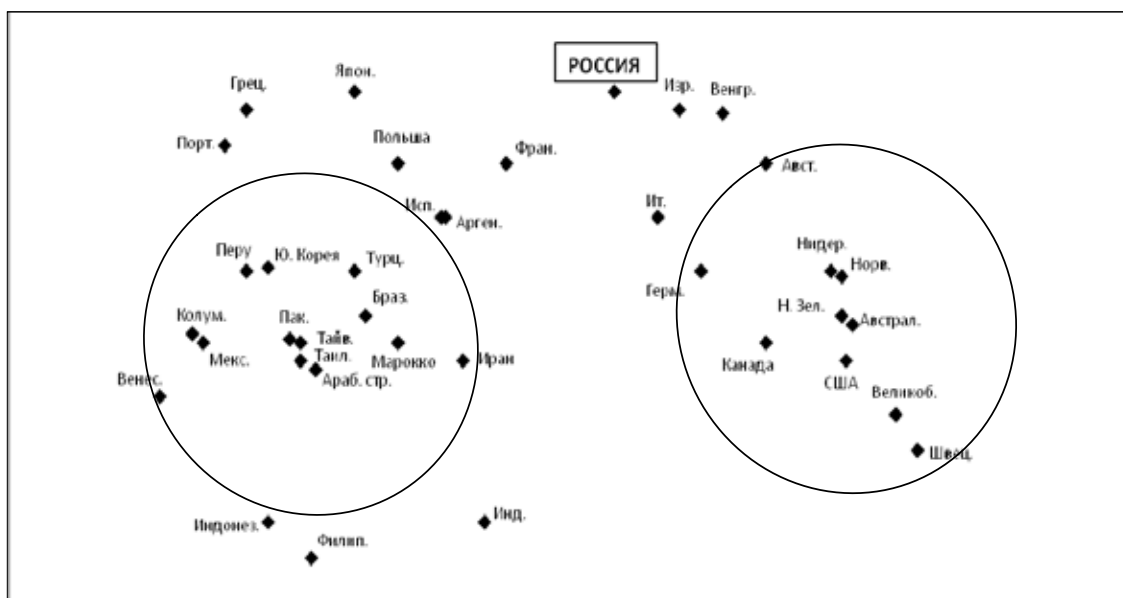

Рис. 9. Место России на условной ментальной карте мира¹².

Как видно на рис. 9, на правой части рисунка четко сгруппировались страны с европейскими культурными корнями, включая Канаду и США. В левой части сгруппированы в основном страны неевропейских культур, в которых процессы социальной и социокультурной модернизации еще, как правило, не завершены. При этом Россия, как, впрочем, и многие другие страны, оказалась за рамками и условного «Запада», и условного «Востока», а ее ближайшим соседом стал Израиль. И хотя она тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», однако своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней не позволяет рассматривать ее как периферию западной культуры.

Все вышесказанное позволяет утверждать — Россия пока по-прежнему сохраняет специфичность характерной для нее системы ценностей и норм и в этом отношении она в мире далеко не одинока. Однако она достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. При этом часть норм, и ценностей в ходе социокультурной модернизации заменяется для россиян другими, зачастую альтернативными, а часть меняет свой смысл — так, ценность свободы, например, остается, но смысловое наполнение ее становится постепенно иным. То же относится к пониманию института частной собственности и т.д.

В то же время, в России пока еще сохраняется закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как позднеэтакратический. Наиболее характерными его чертами выступают особая роль государства в жизни общества и в экономике, сращенность власти и собственности. Соответственно, «ядерным» и наиболее устойчивым элементом системы неформальных норм, обуславливающих невосприимчивость этого социума к «имплантации» в него многих институтов, характерных для развитых стран, выступает та часть этих норм, которая относится к экономической сфере, прежде всего — к пониманию места государства в экономике, отношению к собственности на природные ресурсы и представлением о сути собственности, связанным с историческими особенностями развития России на протяжении по меньшей мере последнего тысячелетия.

Само по себе признание рыночных начал в экономике вполне совместимо с этой системой норм и не ведет к ускорению социокультурной модернизации. И хотя темпы изменений в нормативно-ценностных системах россиян довольно высоки, они могут оказаться недостаточными для занятия нашей страной стратегически удачного места на мировой арене, даже если отвлечься от проблемы неэффективности и коррумпированности российских элит, — этого не позволит степень восприимчивости населения к той институциональной матрице, которая обеспечивает наиболее эффективное экономическое развитие. А это, в свою очередь, будет означать не только консервацию нынешней экономической модели развития страны, но и отсутствие предпосылок для ускоренного

¹² Карта построена научным сотрудником ИС РАН Н.В.Латовой на основе методики многомерного шкалирования. Ею выполнены расчеты и подготовка других графических иллюстраций по методике Г. Хофстеда.

завершения социальной и социокультурной модернизации, без которых невозможно радикально изменить ее место на мировой арене.

Однако при оценке вероятности этого сценария развития нельзя сбрасывать со счетов два обстоятельства. Во-первых, в последние десятилетия Россия начала активно включаться во все ускоряющиеся процессы глобализации, а появление Интернета придало этим процессам новый импульс. *Все это кардинально поменяло условия эволюции менее развитых в экономическом отношении стран мира и поставило крест на анклавных моделях развития, которые до последнего времени реализовывала и Россия. Процессы модернизации, в том числе и социокультурной модернизации, в них стали накладываться на процессы, «запущенные» переходом к постиндустриальному этапу развития глобальной мировой экономики. В этих условиях в рамках одной страны уже невозможно сохранять даже относительную гомогенность культуры, а, соответственно, в фокус внимания попадает вопрос о соотношении в рамках каждой национальной культуры носителей разных типов нормативно-ценностных систем.* Превращение же субкультур меньшинства в культуру большинства может придать серьезный импульс ускорению экономического роста в той или иной стране и утверждению в ней демократических норм.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что *разные социальные группы играют различную роль в определении вектора развития любой страны.* А как было показано выше, в последние годы фиксируется все большая гетерогенность российского социума с точки зрения специфических для него нормативно-ценностных систем фактически по всем вопросам, связанным с представлениями россиян о нормах и ценностях, в нем нет единства и доля «нормативно-ценностных меньшинств» в составе населения страны имеет тенденцию к росту. Вот почему в условиях нарастания гетерогенности представлений россиян о «должном» неизбежно встают вопросы о сути тех различающихся, а во многом и альтернативных моделей мировоззрения, которые основаны на разных нормативно-ценностных системах и характеризуют разные группы российского населения.

В литературе существует несколько традиций выделения и изучения таких групп. Так, например, Н. Лапин и Л. Беляева, уже около 20 лет осуществляющие мониторинг ценностей россиян на базе проходящих раз в несколько лет общероссийских опросов, рассматривают меняющуюся и усложняющуюся картину ценностей российского населения через призму сочетания в его нормативно-ценностной системе интегрирующих, дифференцирующих и конфликтогенных ценностей (методику измерения которых они разработали самостоятельно). Этой исследовательской группой получены очень интересные результаты, в частности сделан вывод о растущей значимости утилитарных, прагматических мотивов в эволюции ценностных систем населения нашей страны. Группа Н. Лебедевой и А. Татарко уже много лет работает с массивами данных, в которых используется разработанный Ш. Шварцем инструментарий измерения ценностей, эмоционально значимых лично для индивида и проявляющихся прежде всего в системе межличностных отношений. В последнее время, впрочем, они начали работать и с материалами «Всемирного исследования ценностей» (WVS), используя методику Р. Инглхардта, а также комбинируя результаты, полученные с использованием обеих упомянутых методик. Полученные результаты позволили им утверждать, что за ростом индивидуалистических ценностей, по сути, стоит рост ценностей выживания, а не самоутверждения. В обеих этих группах, хотя акцент делается на получении общей по России картины, рассматривается и специфика мировоззрения отдельных социальных групп.

Группа В. Магуна и М. Руднева работает на массивах данных международного опроса «Европейское социальное исследование» (ESS), используя при этом как оригинальную методику Ш. Шварца, так и собственные методики обработки данных. Ключевое в их результатах — анализ внутренней неоднородности ценностных систем россиян, показавший, что главным, что зависит в ценностных системах населения именно от межстрановых различий культуры, а не от социально-демографической структуры населения разных стран, выступает отношение к двум альтернативным блокам ценностей. В рамках данной методики эти блоки идентифицируются как блок «Самоутверждение», отражающий ориентацию на успех и благополучие, и блок «Выход за пределы собственного Я», включающий ценности толерантности, сохранения природы и благополучия других людей и т.п. Проведенная представителями этой исследовательской группы работа показала, что в России достаточно высокая по отношению к другим странам доля нетипичных для страны в целом ценностей и ни один из выделенных ими кластеров не составляет большинства населения¹³.

¹³ Два наиболее характерных для стран Западной Европы кластера в России насчитывают в общей сложности лишь 19% населения (в Швейцарии этот показатель 66%, Швеции — 63%). При этом самым массовым в России является кластер, характеризующийся очень высокими показателями ценностей самоутверждения при средних показателях открытости изменениям. В странах Западной Европы его доля не превышает 30%.

Однако минус методики Шварца при массе ее несомненных плюсов в том, что она ориентирована на измерение лишь значимых для индивида в процессе межличностных отношений установок, и не затрагивает норм макромира, которые считаются автоматически следующими из ценностей микромира. Частично этот недостаток пыталась преодолеть группа, работающая под руководством автора данной статьи и М. Горшкова. Эмпирической базой деятельности этой группы выступают общероссийские опросы, а методологической — нормативистский подход, учитывающий специфику ценностей и норм, традиционно описываемых в литературе как характерные для «*Modern Man*». Этой группой были разработаны такие идеальные конструкты как «классический традиционалист» и «классический модернист» (по аналогии, например, с «идеальным газом»), ключевые признаки которых были операционализированы и затем на основе их комбинаций были построены многомерные индексы, позволяющие выделять носителей определенного типа сознания. Значимость результатов, полученных в рамках данного направления исследований, связана не только с тем, что ею был получен ряд выводов о динамике численности и зоне локализации «модернистов» и «традиционалистов» в тех или иных социальных группах, но и в том, что особый акцент в ее работе делается на нормы, отражающие механизм регуляции взаимоотношений личности, общества и государства, которыми никто другой (из углубленно работающих с этой проблематикой исследователей) в России систематически вообще не занимается.

Однако постулат о применимости для России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому (т.е., по сути, «западному») модерну, сам по себе не очевиден. Поэтому автором данной статьи была *предпринята попытка выделить объективно существующие в России типы нормативно-ценностных систем, и лишь затем обратиться к анализу их носителей*. При этом особый акцент делался в первую очередь на взглядах россиян на принципы взаимоотношений в системе «личность — общество — государство».

Для реализации этой более чем непростой задачи сначала из общего массива данных были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений россиян о должном, желаемом или эмоционально значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Вопросы, связанные с нормативно-ценностными аспектами взаимодействий в семейных, соседских, родственных, дружеских, производственных отношениях при этом не рассматривались. Затем эти 65 переменных были запущены на кластеризацию для выделения относительно гомогенных по своему составу групп респондентов, что позволило «отбраковать» ряд переменных, не значимых для деления на кластеры¹⁴. Факторный анализ, примененный к оставшимся 40 переменным, выделил 12 факторов¹⁵, которые, комбинируясь в разных вариациях, формируют многообразие реальных представлений россиян.

Часть этих мировоззренческих «блоков» интерпретировалась достаточно легко (с учетом содержательного наполнения этих блоков, они были названы мной «Модернистские установки», «Толерантность к «не-Мы»», «Уверенность в возможности себя обеспечить», «Постмодернистские установки», «Индивидуалистические установки», «Либеральные установки», «Нормы этакратических обществ», «Гражданская пассивность по убеждению», «Постсоциалистические установки»). Другая часть потребовала большой дополнительной работы для их более точной интерпретации. В числе «блоков», потребовавших такой работы, были три, получившие в итоге названия: «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство», «Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции» и «Российская модель демократии».

Чтобы было яснее, что стоит, например, за совокупностью объединившихся в фактор «Российская модель демократии» переменных, опишу, отталкиваясь от них, ее внутреннюю логику: интересы и взгляды у людей очень разные, а значит заведомо невозможно сделать так, чтобы все были довольны — в этих условиях государство должно принять на себя миссию согласования интересов и действий с учетом большинства; политическая оппозиция должна помогать государству в решении этой сложной задачи, учитывая специфику этой модели и ее отличие от западных моделей

¹⁴ Допустимое по методу иерархического кластерного анализа число кластеров оказалось 4–8. Далее расстояние между центрами кластеров уменьшалось незначительно, а их число возрастало в разы. Анализ дендрограммы по иерархическому кластерному анализу показал, что на основе визуализации результатов кластерного анализа по заданным переменным оптимально выделение 4–7 кластеров. Содержательный анализ с использованием таблиц сопряженности показал, что наиболее значимые для реальной дифференциации кластеров переменные заканчиваются на переменных, значимых для дифференциации на 7. В результате для последующего анализа были отобраны 40 переменных, оказавшихся значимыми для кластеризации на 7 кластеров. Эти переменные были одновременно значимы для деления по типам нормативно-ценностных систем (необходимое условие) и обеспечивали наиболее полное представительство реально дифференцирующих россиян нюансов взглядов (достаточное условие).

¹⁵ Используемая модель факторного анализа объяснила 50,761% дисперсии.

взаимоотношений государства и его граждан (понятно, что характерные для этих моделей индивидуализм, либерализм и западная демократия для России не годятся, и для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство) учитывая как сложно организовать эффективную работу такой модели взаимоотношений государства и его граждан, все и всегда должны соблюдать букву закона, иначе наступит общий хаос. Лучше всего, учитывая характерную для сторонников этих взглядов убежденность в том, что демократия все-таки должна быть, хотя и в заметно отличающейся от ее классических канонов форме, этот мировоззренческий блок, на наш взгляд, отражало название «Российская модель демократии».

Фактор, названный мной в итоге «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство», включал в первую очередь согласие респондента со следующими суждениями: «Не так важно, соответствует что-либо закону или нет - главное, чтобы это было справедливо»; «Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения»; «Законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти»; «Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства»; «Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций»; «Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности»; «Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить»; «Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям». Конечно, эти нормы — отнюдь не нормы общества классического модерна, для которого нехарактерно ни пренебрежение законом во имя справедливости, ни допущение давления на правосудие или прессу со стороны правительства, ни убеждение в том, что государство призвано отстаивать интересы народа, а не права человека. Однако эти нормы, являющиеся своего рода «родимыми пятнами» нормативной системы этакратических обществ, соседствуют в рамках этого блока взглядов с убеждением в необходимости равенства перед законом представителей власти и рядовых граждан, признанием за каждым человеком права отстаивать свое мнение в противовес большинству и права отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций, которые в классическую модель нормативной системы этакратических обществ не вписываются.

Вошедший в этот фактор набор норм свидетельствует не только о разложении характерных для позднеэтакратических обществ нормативных систем, отражающих существующие на микроуровне представления об основах «общественного договора» между рядовыми гражданами и властью, но и о разной степени прочности, укорененности в общественном сознании тех или иных норм (представляя одновременно наиболее типичные для данного общества нормы). В таком случае внутренняя неоднозначность этих норм — свидетельство переходного характера этой системы воззрений, уже ушедших от легитимности и почти сакральности власти государства, имеющего права требовать бесспорной жертвенности со стороны своих граждан (подданных), и постепенно переходящих к консенсусной модели взаимоотношений с ним, но все еще сохраняющих за государством при условии и в рамках соблюдения этого консенсуса, своего рода негласного «общественного договора», право действовать вне правового поля во имя «общих интересов». Исходя из этих соображений я очень условно и не вполне удачно и назвала его «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство».

Наконец, фактор «Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции» включал в первую очередь положительное отношение респондента к таким понятиям как модернизация, различия, глобализация, индивидуализм, демократия, риск, конкуренция и Евросоюз, а также убеждение, что успех в жизни — результат упорного труда, а не просто везения и связей.

В целом по результатам анализа выделенных факторов («мировоззренческих блоков») просматривалась следующая картина. *Индивидуалистические установки оказываются связаны сегодня в России не столько с формированием модернистских установок, сколько с отрицанием норм этакратических обществ.* Распространение индивидуализма, вероятно, — первый шаг к отрицанию этих норм. *Модернистские установки связаны с блоком «Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства».* Видимо, эти типичные для России представления разлагаются только под влиянием определенных, характерных именно для сознания модерна поведенческих установок (нонконформизм, ориентация на перемены, инициативность, готовность к борьбе за свои интересы, толерантность к конкуренции). *Постмодернистские установки связаны в России с отрицанием либеральных установок, предполагающих в России, судя по полученным результатам, прежде всего убеждение в необходимости минимизации социальной роли государства.*

Таким образом, анализ факторного распределения применительно к ключевым компонентам норм, ценностей и установок, которые составляют своего рода «каркас» мировоззрения россиян, позволил не только понять внутреннюю взаимосвязь многих из них, но и интерпретировать смыслы, которые стоят за соответствующими взглядами в российской культуре и достаточно сильно отличаются от приверженности, на первый взгляд, тем же нормам в западноевропейской культуре.

Подводя же не только методологические, но и содержательные итоги анализа основных факторов (блоков), из которых складывается сознание россиян, отметим также, что такие факторы как «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство» и «Российская модель демократии» очень ярко отражают *переходность, промежуточность нынешнего этапа эволюции нормативно-ценностных систем россиян в движении по пути от нормативно-ценностных систем этакратической разнovidности обществ традиционного типа к обществам модерна*. Однако не менее, а может быть и более важно то, что *одновременно они демонстрируют специфику этих систем в России, поскольку соотношение входящих в них компонентов мировоззрения у россиян в целом достаточно устойчиво по крайней мере на протяжении последних 15 лет*, и ожидать быстрых сдвигов в этой области нет никаких видимых оснований, хотя некоторая динамика в этой области, как я постаралась показать в первой части данной статьи, все же прослеживается. Характер их объединения с другими факторами (блоками) свидетельствует при этом о том, что если «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство» прямо связаны со все более широким принятием многих ценностей модерна на микроуровне, а, следовательно, этот блок будет и дальше развиваться относительно динамично по мере распространения соответствующих ценностей и установок, то блок «Российская модель демократии» существует в сознании населения достаточно изолированно и, видимо, будет характеризоваться в силу этого относительно большей устойчивостью.

Лучше понять ситуацию с гетерогенностью нормативно-ценностных систем россиян позволяет анализ того многообразия комбинаций, подчас весьма причудливых, которые составляют входящие в эти блоки элементы составляют в сознании отдельных людей, а также степени распространенности этих комбинаций. Конечно, «сколько людей — столько и мнений», и в этом смысле каждый человек уникален. Тем не менее, можно попытаться выделить некоторые достаточно широко распространенные кластеры сочетаний, позволяющие получить интересующую нас картину гетерогенности нормативно-ценностных систем россиян и ее специфики по отношению к неким классическим представлениям о переходе от сознания домодерновых обществ к нормативно-ценностным системам обществ модерна. В качестве метода анализа этих комбинаций нами был избран кластерный анализ¹⁶. По его результатам были выделены 7 кластеров, некоторые особенности взглядов которых по конкретным переменным, вошедшим в анализ, приведены в табл. в Приложении.

Если попытаться выстроить кластеры по мере движения от сознания традиционалистского типа к сознанию модерна, и подобрать с учетом их характерных особенностей названия для каждого из полученных кластеров, то мы увидим следующую линейку:

- ✓ «Последовательные традиционалисты» (2-ой кластер)
- ✓ «Традиционалисты-этакраты» (1-ый кластер)
- ✓ «Разочаровавшиеся традиционалисты» (5-ый кластер)
- ✓ «Немодернисты» (3-ий кластер)
- ✓ «Протомодернисты» (4-ый кластер)
- ✓ «Российские постмодернисты¹⁷» (6-ой кластер)
- ✓ «Российские модернисты» (7-ой кластер).

¹⁶ Анализ носил многоступенчатый характер. Сначала был использован иерархический кластерный анализ. При кластеризации респондентов по 12 описанным выше факторам, судя по показателям *Coefficients in Agglomeration Schedule*, возможное число кластеров составляло 6–9. Затем были построены соответствующие кластеры. Статистический анализ выделенных кластеров показал, что есть устойчивые «ядра», которые в нашей выборке составляли 5,7%, 5,1%, 3,9%, 3,8%, 3,1%, 2,2% и 1,8% от всех респондентов — остальные группы составляли в выборке 1,5% и менее. Эти «ядра» целиком «перекочевывали» при различных моделях кластеризации в те или иные кластеры. Поэтому за основу дальнейшего анализа нами была избрана модель с 7 кластерами, хотя, строго говоря, на большем массиве данных (например, с выборкой в 10 тыс. респондентов) более полной может оказаться модель с большим количеством кластеров. Однако и в этом случае подавляющее большинство кластеров, которые анализируются в нашей модели, сохранится. Это связано с тем, что доля в их составе выделенных «ядер» для большинства из них достаточно велика и находится в диапазоне 28–35% от всех членов кластера. И лишь для двух кластеров эта доля составила 12 и 17% соответственно, что означает для них заметно более низкую степень устойчивости характеристик кластера в целом.

¹⁷ Нормы постмодерна соседствуют в данном кластере с нормами позднеэтакратического общества, что не позволяет рассматривать этот кластер как следующую за сознанием модерна ступень и заставляет оценивать его скорее как одну из специфически российских форм сознания модерна.

Использование в двух последних случаях прилагательного «российские» призвано подчеркнуть специфику этих групп, оттенить тот факт, что сознание их представителей во многих отношениях довольно далеко и от классического модерна, и от классического постмодерна.

Если учесть как характерные особенности кластеров в целом, так и их ядер¹⁸, то портреты этих кластеров будут выглядеть следующим образом.

Традиционалистски ориентированные кластеры:

- **«Последовательные традиционалисты».** Наиболее характерными особенностями этого кластера на фоне остальных выступают убеждения, что конкуренция вредна, что все перемены к худшему и нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права, негативное отношение к демократии, модернизации, различиям, риску, последовательная приверженность уравнительности и т.п. Не удивительно при таких взглядах и согласие членов максимального из всех кластеров с суждением, что западный путь развития России не подходит. При этом кластер характеризуется довольно толерантным отношением к соблюдению закона.
- **Традиционалисты-этакраты.** Это кластер во многом близок к «Последовательным традиционалистам». Для него также (и в отличие от всех остальных кластеров) характерно безоговорочное согласие с тем, что западный путь развития России не подходит, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, негативное отношение к ЕС и индивидуализму. Как и «Последовательные традиционалисты», члены данного кластера убежденные сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал (97% ядра и 73% кластера в целом) и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы (96% в ядре и 78% в кластере в целом). При этом к демократическим нормам жизни и кластер в целом, и в еще большей степени представители его ядра, настроены скептически, чем «Последовательные традиционалисты». Так, они в большинстве своем не считают необходимой оппозицию, не согласны с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок, хотя, как отмечалось выше, это обязательные компоненты, норм характерных для россиян в целом. Ядро отличается от кластера еще большей готовностью признать за государством право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. При этом, в отличие от «Последовательных традиционалистов», кластер характеризует позитивное отношение к конкуренции, переменам и модернизации, а также очень противоречивое и неоднозначное отношение к закону.
- **Разочаровавшиеся традиционалисты.** Этот кластер, как и предыдущий, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов разложения ранее характерной для России модели сознания. Однако в нем разложение этой модели начинается как бы «с другого конца» — не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и т.п. с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. При этом, вследствие разочарования в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение этих норм происходит у членов этого кластера без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна, что ведет к развитию в нем массовой аномии. Именно члены этого кластера чаще всего оказываются просто не способны определить свою позицию, выбрав из (как правило, альтернативных) предлагавшихся им вариантов ответов тот, с которым они были бы согласны. При этом в сознании членов этого кластера остается очень много черт, характерных для сознания традиционалистского типа — от ориентации на воспроизводство привычных образцов и отрицания права личности защищать свои мнения и интересы в противовес мнению большинства. Характерно для него и тяготение к плановой модели хозяйствования. Отличия во взглядах его ядра от взглядов кластера еще ярче демонстрируют, что это традиционалистский по своей природе кластер.

¹⁸ А по большому числу позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным, число сторонников соответствующих взглядов в ядрах кластеров оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что ядра кластеров действительно выполняют в них эту роль, и что именно эти воззрения являются для соответствующего кластера своего рода «несущим каркасом» мировоззрения его членов.

Промежуточные кластеры:

- **Немодернисты.** Этот кластер находится как бы «на перепутье» — нельзя сказать, что он настроен безусловно традиционалистски, но никакого отношения к сознанию модерна, по крайней мере в его классическом виде, его члены также не имеют. В целом для них характерно пребывание в начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности, и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно четкая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии. Так, они убеждены, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, и что не так важно при этом, соответствует ли что-то закону или нет — главное, чтобы это было справедливо. Одновременно в кластере очень велика доля тех, кто считает, что каждый гражданин в любой ситуации вправе отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций, и что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если большинство придерживается иных взглядов. К этому стоит добавить, что, хотя это характерно не только для данного кластера, большинство в нем склонно ограничивать всевластие государства — почти 60% кластера, и еще большая доля его ядра не готова, признать безусловное право правительства влиять на правосудие, а также ограничивать свободу прессы, даже если этого требуют интересы государства. Все это довольно мирно сосуществуют в нем с толерантностью к «Западу вообще» и, одновременно, отрицанием необходимости демократии, эффективно работающей в ее рамках оппозиции, конкурентной среды и т.д. При этом члены данного кластера не уверены в своих силах и ждут помощи в решении своих проблем от государства.
- **Протомодернисты.** К числу наиболее ярких особенностей этого кластера относятся прежде всего последовательная прагматическая ориентация (убеждение, что материальное благополучие важнее свободы, а зарплата — «интересности» работы), а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща. Характерны для его членов также негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового, что хорошие руководители для России важнее хороших законов. Яркой особенностью кластера выступает и отсутствие в нем толерантности к «не-Мы», возможно в силу очень ярко выраженной уверенности, что согласовать интересы разных групп общества невозможно. Однако в отличие от всех рассмотренных выше кластеров его члены в массе своей признают пользу конкуренции, являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов, положительно относятся к модернизации и демократии, убеждены в праве человека отстаивать свое мнение даже если большинство придерживается другого мнения, не согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Ядро этого кластера еще толерантнее относится к неравенствам, при этом в нем ярче выражено убеждение, что успех — результат упорного труда, а не простого везения. Все это позволяет отнести данный кластер к промежуточным кластерам, характеризующимся весьма противоречивым сознанием.

Сравнивая между собой два промежуточных кластера, нужно прежде всего отметить, что во многом (признание необходимости главенства традиций, установка на конформизм, неуверенность в своих силах, отсутствие толерантности к «не-Мы», согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение независимо от позиции большинства и т.д.) два промежуточных кластера похожи. Однако при этом «Протомодернисты», в отличие от «Немодернистов», настроены скорее на доминирование в российской экономике рыночных начал, среди них заметно меньше распространены уравнилельные настроения и больше — убеждение в необходимости активности «снизу» как фактора перемен в обществе. Характерны для него и гораздо меньшая роль, которая отводится государству в обществе вообще и в экономики в частности, а также признание необходимости оппозиции. С другой стороны, у «Протомодернистов» нет характерной для «Немодернистов» убежденности в праве человека отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций безотносительно к ситуации. Возможно, это связано с четко выраженным у них

априорным признанием невозможности согласовать интересы разных групп так, чтобы это устроило всех, и ориентацией на приоритетность групповых интересов, которые не должны страдать в результате проявлений интересов индивидуальных — ведь в отличие от «Немодернистов» этот кластер характеризуется ярко выраженным негативным отношением к индивидуализму, готовностью к групповой солидарности, признает важность законов как социальных регуляторов.

Модернистски ориентированные кластеры:

- **Российские постмодернисты.** Это самый большой по численности (20% всех россиян) и очень своеобразный кластер, имеющий достаточно яркие отличия от всех вышеописанных кластеров, с одной стороны, и от «Российских модернистов», с другой. К числу наиболее характерных особенностей его членов относятся: ярко выраженный нонконформизм, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, вторичность материального благополучия как ценности (свобода для него важнее материального благополучия, а «интересность» работы — размера заработной платы), последовательная ориентация на собственные силы, убеждение, что в защите своих интересов надо ориентироваться на индивидуальные, а не коллективные действия, уверенность в том, что их материальное положение зависит от них, а не от ситуации в стране, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии; несогласие с суждением, что западный путь развития России не подходит; согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с позицией большинства. По всем этим позициям ядро данного кластера демонстрирует еще более высокие показатели, чем кластер в целом.

Качественные отличия ядра от кластера в целом просматриваются лишь по нескольким позициям, но они демонстрируют, что мы имеем дело в данном кластере скорее с весьма специфической формой сознания модерна, чем с какой-либо промежуточной, транзитивной формой сознания, а также тот факт, что этому типу сознания присуще тяготение к демократии, хотя и не в той ее форме, которая характерна для стран Запада. Так, 58% (при 40% в кластере в целом), убеждены, что перемены в российском обществе надо проводить, опираясь на инициативу «снизу», а не на действия «сверху». Ядро в меньшей степени настроено также на роль государства как гаранта прав общности, а не прав человека и в меньшей степени готово делегировать ему право прямого влияния на правосудие и ограничивать свободу прессы. Кроме того, оно в большей степени уверено в своих силах, в частности в том, что они проживут и без помощи государства.

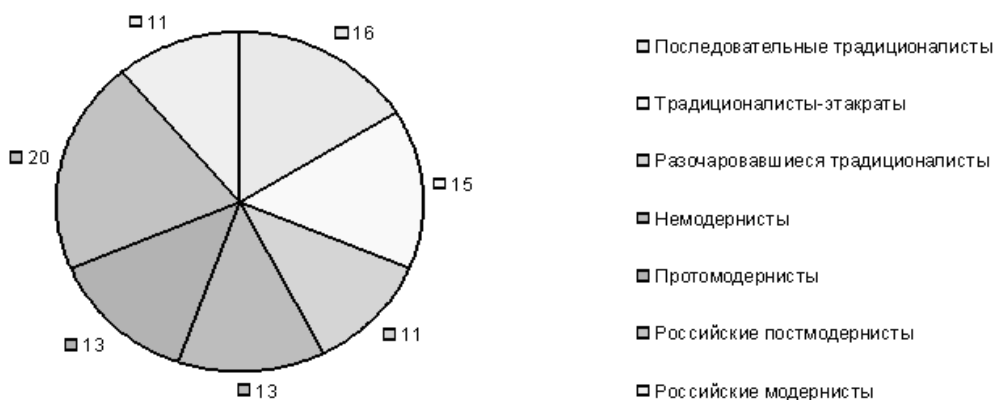
Таким образом, это прорыночно и проиндивидуалистически настроенный кластер, с отчетливым тяготением (во многом, видимо, стихийным) к идее прав человека и отрицанием всевластия государства. Члены его достаточно уверены в своих силах, последовательные нонконформисты и характеризуются низкой значимостью для них материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации. В то же время, при бесспорном признании ценности демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далекие от классических представлений о ней.

- **Российские модернисты.** Этот кластер во многом похож на «Российских постмодернистов». К числу общих особенностей их членов относятся: ярко выраженный нонконформизм, рыночные ориентации, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, последовательная ориентация на собственные силы, уверенность в том, что нужно бороться за свои права, а не приспособливаться к реальности, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии; согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с позицией большинства, неготовность делегировать правительству право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Любопытно при этом, что, как и в предыдущем кластере, в вопросе о том, как должны идти перемены — «сверху» или «снизу» — при переходе к ядру происходит качественный скачок, и большинство начинают отводить приоритетную роль активности

«снизу». При этом, также, как и в предыдущем кластере, в нем при переходе к ядру падает толерантность к «не-Мы», что даже приводит в ядрах обоих этих кластеров к доминированию негативного отношения к Западу, что не позволяет однозначно охарактеризовать его членов как сторонников западной модели развития, хотя объективно именно члены данного кластера характеризуются наибольшим распространением в их сознании взглядов, характерных для этой модели. В том, что и это особая, «незападная» разновидность сознания модерна убеждает и то, что, хотя это единственный кластер, где доминирует (70% в кластере и 84% — в ядре) убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства (в остальных кластерах доля сторонников этой точки зрения колебалась в диапазоне 2-18% — по ядрам кластеров и 3-14% — по кластерам в целом), однако только 18% в данном кластере считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто стал их официальным собственником в последние годы, а основная масса убеждена, что речь должна идти в данном случае о территориальных сообществах или производственных коллективах. Из остальных особенностей кластера стоит упомянуть о том, что для него характерна гораздо большая, чем для «Российских постмодернистов», значимость материального благополучия, хотя его материальное положение объективно лучше, и уверенность в возможности прожить без помощи государства распространена в нем относительно шире.

Таким образом, и в плане формирования характерных для сознания модерна на микроуровне норм, ценностей и установок (нонконформизм, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику и т.д.), и, особенно, в плане разложения норм, характерных для позднеэтакратических обществ, этот кластер продвинулся дальше других. Однако это не привело ни к признанию в нем западной модели развития как эталонной, ни к однозначному принятию ряда конкретных особенностей западных обществ, ни даже к развитию толерантности к «не-Мы».

Если оценить распространенность представителей различных кластеров в российском обществе, то она будет выглядеть следующим образом (рис. 10).

Рис. 10. Доли сторонников различных типов нормативно-ценностных систем в российском обществе, в %

Как видим, сегодня в России нет четкого доминирования каких-либо взглядов, скорее российское общество представляет собой в этом отношении пеструю мозаику. Однако главный вывод из проведенного анализа заключается все же не в этом, а в том, что, хотя фактически сегодня в нашем обществе есть по крайней мере две разновидности сознания модерна, обе они не ориентированы на то, что Россия должна идти западным путем, а многие ключевые и характерные для них нормы, ценности и установки принципиально отличаются от ассоциируемых обычно с западной культурой. И в этом плане можно говорить о формировании в России «альтернативного модерна», причем существующего в различных формах. Конечно, это не значит, что в России вообще нет сторонников пресловутых «западных ценностей» в их классической комбинации — просто их так мало, что в стандартных общероссийских социологических исследованиях они составляют стати-

стически незначимую величину и не могут стать объектом дальнейшего анализа. Видимо, поэтому наша «правая оппозиция» никак не может найти свой электорат, оставаясь на уровне, не превышающем 3% поддержки, — она просто видит его совсем не таким, каков он на самом деле, и апеллирует не к тем ценностям, о которых он хочет услышать.

Однако насколько можно доверять этим выводам с учетом их новизны? Чтобы проверить это, я рассмотрела особенности ценностей выделенных кластеров с помощью такого проверенного инструмента как методика Г. Хофстеда. При всем том, что последняя рассчитана на анализ ценностей, определяющих поведение в системах производственных отношений, существующих в разных типах обществ, а не нормативно-ценностных систем, определяющих взаимоотношения в системе «личность — общество — государство», такое сравнение дает не только возможность дополнительной проверки полученных выводов, но и позволяет получить новую информацию о векторе культурной динамики россиян (рис. 11).

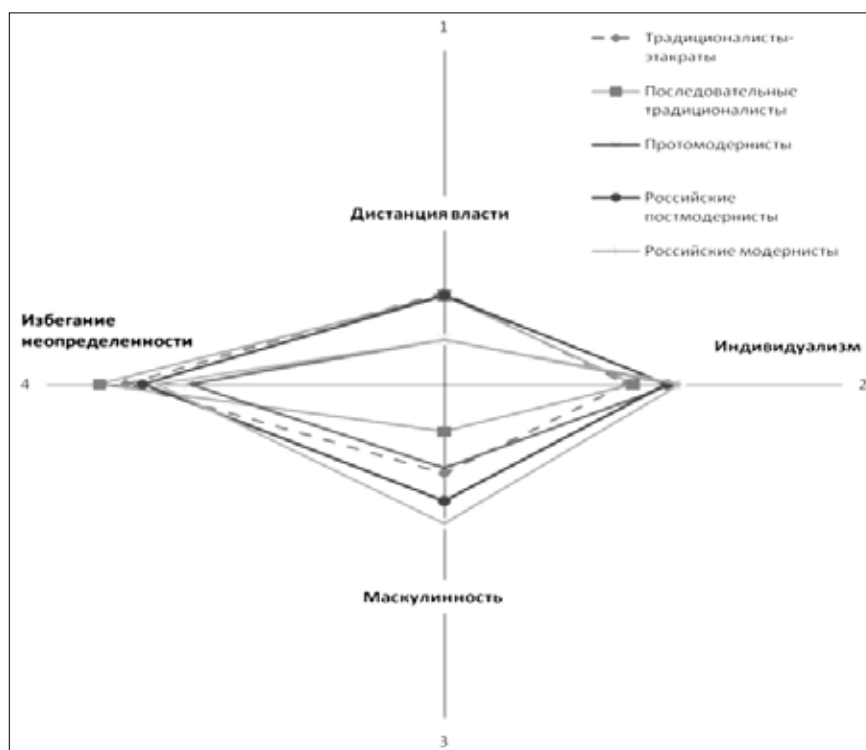

Рис. 11. «Профиль» различных кластеров¹⁹ в хофстедовой системе координат.

Из рис. 11, и при использовании методики мы видим две альтернативные версии российского модерна. Они очень близки по значимости личных интересов для членов соответствующих кластеров, готовности жить в условиях не жестко запрограммированной среды и важности для них успеха при низкой готовности к сотрудничеству. Однако по отношению к дистанции власти они различаются довольно сильно. В то же время драматизировать эту ситуацию явно не стоит — даже у «Традиционалистов-этакратов», имеющих максимальный балл по данной шкале, толерантность к неравномерности распределения и иерархизированности власти чуть ниже, чем в Великобритании, Германии и США, и вдвое ниже, чем в Турции или Бразилии. Если же говорить о «Российских модернистах», то их показатели толерантности к неравномерности распределения власти в обществе находятся между показателями Израиля и Дании. Так что все россияне по этому показателю вполне вписываются в ареал западной культуры, и отличия их от других стран этой культуры связаны отнюдь не с их «недемократичностью» на микроуровне, а с высокими по отношению к странам этой культуры показателями значимости личных интересов, низкими (даже у «Российских модернистов») показателями ориентации на успех и очень высокими запросами в отношении четкости правил.

¹⁹ Кластеры «Разочаровавшихся традиционалистов» и «Немодернистов» занимают по всем осям хофстедовских координат промежуточное положение в ряду других кластеров, что, впрочем, в соответствии с их общей спецификой неудивительно. Поэтому для удобства визуализации на рис. 11 представлены профили только 5 кластеров.

нистам» ведет все-таки ко все большему смещению в правую часть пространства, где концентрируются страны западной культуры.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что процессы социокультурной модернизации протекают в России не так, как они протекали в странах классической европейской модели развития. Вероятнее всего, разложение традиционно существовавших в России нормативно-ценностных систем вообще никогда не приведет в ней к массовому принятию традиционных для западной культуры норм и ценностей, сформировав альтернативные модели «*Modern Man*», которые нельзя рассматривать просто как переходные. Можно предположить также, что на этом своеобразии сказываются не только уникальные культурные особенности, связанные с историей, религией и т.п. факторами, но и иная, нежели это было характерно для XIX и XX вв., траектория экономического развития России. Если в так называемых развитых странах на смену индустриализации и урбанизации пришло активное развитие третичного (связанного с производством и воспроизводством человека как важнейшего компонента современных производительных сил) и четвертичного (связанного с производством и циркулированием информации) секторов экономики, предполагающих массовое формирование среднего класса, то в России вот уже около 30 лет эти сектора не только не растут, но, скорее, даже сокращаются. Стагнация характеризует уже 30 лет и процессы урбанизации. Причем скорее всего это не чисто российская особенность — неслучайно в последние годы все больше говорят о неомодернизационном подходе, предполагающем множественность не только путей, но и результатов модернизационного процесса.

А это значит, что на российском примере можно выделить, видимо, очень важную для понимания процессов культурных изменений в ходе модернизации обществ в XXI в. закономерность: отсутствие объективных экономических предпосылок для социокультурной модернизации, которые выглядят сегодня несколько иначе, чем в XVIII-XIX вв., может вызывать в модернизирующихся обществах в ходе экономического роста вместо постепенной смены норм и ценностей традиционного общества нормами и ценностями обществ классического «западного» модерна формирование каких-то иных культурных моделей или же состояние длительной социальной аномии. Возможно даже, что именно эти принципиально новые модели и станут определять будущее не только России, но и целых ареалов мира в XXI в.

Приложение

Особенности нормативно-ценностных систем различных кластеров²⁰

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение в необходимости превалирования плановых, а не рыночных начал в российской экономике	82	73	72	58	45	47	30
Убеждение, что государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан	59	32	31	48	27	30	12
Выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства	13	22	22	22	12	62	70
Убеждение, что уважение к традициям и следование привычному важнее инициативности и поиска нового	82	50	71	64	69	23	48
Убеждение, что конкуренция вредна	69	18	28	29	16	9	15
Установка на то, чтобы жить как все, а не выделяться среди других	82	62	41	72	51	14	28
Убеждение, что материальное благополучие важнее, чем свобода	40	58	44	44	75	19	36
Убеждение, что чего-то добиться можно лишь действуя сообща, а не рассчитывая только на свои силы	52	48	60	46	74	35	53

²⁰ Указан процент выбравших соответствующий ответ в рамках того или иного вопроса. Фоном выделены те варианты ответов, которые набрали в данном кластере свыше двух третей поддержки или менее одной трети, т.е. ответы, где прослеживалось отчетливое доминирование в кластере соответствующих взглядов.

Продолжение приложения

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение, что перемены в нашем обществе надо проводить «сверху», а не «снизу»	69	84	53	77	46	60	57
Успех — результат везения и связей, а не упорного труда	41	60	62	39	44	45	57
Выбор в альтернативе «интересная работа» — «высокая зарплата» в пользу з/п	44	62	42	62	58	23	40
Убеждение, что его материальное положение зависит от ситуации в стране, а не от него самого	66	62	64	47	54	47	34
Убеждение, что равенство доходов важнее, чем равенство возможностей	46	38	43	48	29	25	31
Уверенность, что без помощи государства они не выживут	72	66	66	68	59	58	33
Убеждение, что нужно приспособливаться к реальности, а не бороться за свои права	69	60	48	39	34	27	44
Убеждение, что все перемены к худшему	80	43	36	52	36	17	31
Негативное отношение к приезжим	60	68	36	61	71	76	47
Негативное отношение к Европейскому Союзу	49	57	32	38	48	42	31
Негативное отношение к Западу	59	72	33	54	58	49	37
Негативное отношение к Азии	61	48	41	57	70	64	40
Негативное отношение к модернизации	48	22	37	20	16	10	22
Негативное отношение к различиям	57	57	29	43	51	31	33
Негативное отношение к риску	58	58	33	48	60	34	45
Негативное отношение к глобализации	66	63	53	48	83	44	38
Негативное отношение к индивидуализму	45	51	38	28	82	11	22
Негативное отношение к демократии	56	31	22	20	10	17	16
Согласие с суждением «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство»	78	75	33	26	42	32	43
Согласие с невозможностью согласовать интересы всех групп общества	76	78	21	45	74	78	69
Убеждение, что роль оппозиции в обществе заключается в помощи правительству	69	77	23	19	54	69	60
Согласие с суждением «Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям»	62	48	15	48	52	34	43
Согласие с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	62	71	25	77	41	67	46
Согласие с тем, что законы надо соблюдать, только если это делают и представители власти	76	58	25	78	83	62	52
Согласие с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	67	41	23	71	55	63	69

Окончание приложения

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Согласие с суждением «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции»	62	50	20	22	85	60	62
Согласие с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие если этого требуют интересы государства	47	37	15	42	28	46	42
Согласие с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо	49	19	13	62	51	45	46
Согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	83	54	24	88	88	89	72
Согласие с тем, что если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	34	42	12	40	27	31	39
Убеждение, что природные богатства страны могут принадлежать кому-то кроме народа и государства	14	6	10	13	3	7	70
Убеждение, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы	37	86	39	74	21	41	47

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств // Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. (разделы 3, 4).
3. Касьянова К. О русском национальном характере. Академический проект. 2003.
4. Российская идентичность в социологическом измерении / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Институт социологии РАН, 2008.
5. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.
6. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006.
7. Тихонова Н.Е. Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
8. Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
9. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.
10. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2.
11. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
12. Шкаратан О. Становление постсоветского неозакратизма / Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22.